

малые дети могли видеть то благо, что нам дает природа. Надо больше сажать кустарников: жасмин, сирень, шиповник — у них такие ароматные цветы! Надо сажать деревья: черемуху, рябину, вишню, яблоню... И, конечно, не забывать о скамейках, чтобы люди могли с книгой посидеть... Тогда можно будет сказать: «Наш город — город-сад!».

* * *

Хорошие знакомые нашей семьи уехали, кто в Америку, кто в Израиль, они просят меня, чтобы я посылала им не покупные открытки, а фотографии своих работ. Я посылаю, но от большинства работ остались лишь черно-белые снимки. А где мои картины, про многие я уж ничего и не знаю теперь... Мои дети разбежались по свету...

2005–2006

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРМАНЕ МЕТЕЛЕВЕ

А. М. Рыжков

Жизнь артиста

Есть у художника Метелева такая композиция — «Жизнь артиста». Даже не одна композиция, а девять холстов в одной раме. Сон человека. Его пробуждение, книги, мечты. Вот он стоит перед картиной. Сопротивляется жестокому давлению жизненного груза. Человек деформирован и размазан по ступеням лестницы, ведущей вверх. Медленно вращаются шестеренки и жернова мироздания. В финале человек, судорожно раскинув распятые руки, уходит в иное, неведомое нам измерение. Скульптурная пластика, сдержанный цвет, жесткий и точный ритм. Мастерский рисунок. Странное сочетание реализма и абстракции. Необъяснимое светлое обаяние, исходящее от этой печальной картины...

Герман Селиверстович Метелев умер в мае 2006 г. Это тяжелая потеря и боль. Ведь для многих из нас он был не просто замечательным художником и глубоко содержательным человеком, а драгоценнейшей частью нашего внутреннего мира. Был и остается. Широким и сильным размахом своего всеобъемлющего таланта он похож на людей Возрождения. Все было подвластно его добрым рукам и любящей душе. Монументальная живопись, мозаика и ювелирное искусство. Гравюра, сценография и оформление книг. Кузнечное, столярное и плотницкое мастерство... Нет смысла, да и невозможно все перечислить. А какие он делал картины! Крупные не только и не столько по формату. Для нашего города они становились событием и откровением. Какой таинственной жизнью полны вещи в его лиричных и философских натюрмортах!

Притягательная сила искусства Метелева заключается не только в великолепном мастерстве и крупном творческом масштабе. Не менее важно, что этот на первый взгляд суровый и жесткий человек был светлым, добрым и щедрым. Он умел быть другом, как немногие умеют. Очень много дал Герман Селиверстович своим студентам, да и кто из нас у него не учился? Метелев не избегал конфликтов ни в жизни, ни в искусстве. Многие его сюжеты трагичны. Но почему-то, когда смотришь на работы художника, на душе становится светло. Чувствуешь прилив энергии, хочется взять карандаш или кисть и рисовать. Со знакомых и родных картин смотрит на нас печальный Лермонтов, взметнулась острая щетина сабель над грубыми мужицкими лицами красноармейцев, течет в полумраке потаенная жизнь за ярким театральным занавесом, страдает истерзанная подъемными кранами муза, бродит по чудесному уральскому лесу кентавр в телогрейке и шапке ушанке, таинственно светится младенец Христос, бережно несомый в Египет Святым семейством и милым смешным осликом... Существование этих картин делает сомнительными успехи многих «ушедших вперед», современных и процветающих художников. Как говорил Метелев, в искусстве не бывает «вперед» и «назад».

Трудно представить, что на екатеринбургских улицах мы больше не увидим этого красивого человека, похожего на мастерового из бажовских сказов. Он был воплощением лучших уральских качеств. Знаю, что работы Германа Селиверстовича стали частью той мифологии, без которой не может жить большой город. Верю, что искусство Метелева всегда будет с нами, с нашими детьми и внуками.

А. Н. Филинкова

Екатеринбургский велотавр

Еще в художественной школе слышала, что живет, мол, в Екатеринбурге (тогда Свердловске) художник, который даже зимой ездит на велосипеде, — Герман Метелев. Само понятие «художник» в детстве казалось мне чем-то абстрактным, относящимся к далекому прошлому и уж никак не связывалось с современной жизнью, тем более свердловской. А вот факт езды на велосипеде привлек чрезвычайно и сразу внушил, если можно так выразиться, уважение.

Прошли годы... Погожий сентябрьский день (точнее, вечер) 1998 г. Здание Союза художников на Куйбышева. Выставочный зал. Тьма народа. Журналисты, видеокамеры. Картин почти не видно. И среди всего этого праздника жизни — виновник торжества, юбиляр Герман Метелев. Удивительно было видеть этого Мастера-трудягу в элегантном, почти концертном костюме: а как же «Памятник крестьянской лошади» и велосипед? Исключительно шел Метелеву рабочий комбинезон, в котором последнее время можно было видеть художника и в творческой обстановке, и на светских «тусовках»...

Непосредственно пообщаться с Германом Селиверстовичем мне довелось лишь однажды (запланированная по предварительной договоренности с художником новая встреча по жестокой иронии судьбы оказалась прощальной). Угловой подъезд дома на углу Восточной — Декабристов (напротив небезызвестных столбов у начала Сибирского тракта). Поднимаюсь на последний этаж. Дверь мастерской открывает хозяин. Вот и почти легендарный велосипед — прозаически подвешен на стене рядом с одеждой и рабочими инструментами. Из окна — вид, знакомый по картине «Осень». На мольберте — небольшого формата, пахнущее свежей краской новое полотно на излюбленную тему кентавров (что чему причина, что следствие: кентавр — велосипеду или велосипед — увлечению кентаврами?). Удивляет непривычная по нынешним временам учтивость вопроса: позволит ли барышня закурить в ее присутствии? Колечки дыма, будто бы деликатно извиняясь, поднимаются к потолку...

— Что интересует барышню?

— Город Екатеринбург в изобразительном искусстве.

— О, я ведь не пейзажист. Работ на эту тему у меня немного, да и те не новые. Мой город — это скорее автобиографические композиции.

— Но ведь это же самое интересное.

— Ну что ж, если настаиваете...

И вот, словно из сказочного сундука, извлекаются со стеллажей «Уктусский аэропорт», «Новый город» — пейзаж с банальными, но как-то по-особому тепло написанными «хрущевками», запечатленный словно с птичьего полета «Вид с обсерваторской горки», «Мой Свердловск».

— Вот, пожалуй, и все, что могу предложить.

— Интересно, по расхожему представлению, если художник изображает город, то выбирает наиболее известные исторические места и памятника, «эффектные виды», так сказать.

— Видите ли, «красоты» города и выражение его духа, истинной сущности, скрытой в обыденной повседневности, — вещи разные. Меня всегда интересовало второе, да и то, повторю, в личностном контексте. Что же до исторических памятников и архитектуры, в этом смысле Екатеринбург, как ни крути, уступает Петербургу. Молодость, годы учебы в Репинке связаны у меня с Ленинградом. Прекрасно знаю и бесконечно люблю «Петра творенье». Но уже в институте понял, что не смогу там остаться, не смогу состояться как художник. За многое я благодарен Ленинграду (теперь Питеру), но художником себя ощутил только в Свердловске... Трудно объяснить. Как Антей привязан к земле и черпает от нее силы, так и я духовно привязан к нашему городу, его прошлому и настоящему. И дело совсем не (вернее, не только) в архитектурных ансамблях, формирующих облик Екатеринбурга. Просто именно здесь я ощущаю себя самым собой, ощущаю свою связь с этим местом, с людьми, которые здесь живут, и, стало быть, только здесь могу реализовать себя творчески.

Мы долго беседовали в тот воскресный день ранней весны 2003 г. Тогда я узнала многие факты из истории и культуры Свердловска-Екатеринбурга, которых не прочтешь в учебниках. Но дело даже не в самой фактологии, а в эмоциональной окрашенности рассказа, в еще не осознанной тогда мною любви к городу. Понятие «гений места» воспринималось пока лишь как красивое и модное словосочетание.

Май 2006 г. На удивление хорошая погода, но — не до прогулок. Научная (как принято говорить) работа в разгаре; собираю информацию «из первых уст»: встречи с мастерами книжной графики, беседы о творчестве. Посреди обсуждения очередной иллюстрации — леденящий сердце вопрос: «Вы уже знаете?!».

«Гений места», «Только здесь могу быть художником» — как молния пронзает разум и сердце воспоминание о той встрече...

Я не была близко знакома с Германом Селиверстовичем, но его образ, столь неотъемлемый от Екатеринбурга, воспринимаю как один из символов художественной культуры города. Масштаб и значение какого-то явления (а Метелев — это явление) ощущаешь, даже не будучи ему непосредственно сопричастным. Особенно (к сожалению) *post factum*. Так, проходя по знакомой улице, с невероятной болью и тоской обнаруживаешь, что могучее дерево, радовавшее глаз и сердце своей величавой красотой, сломлено велением неумолимого рока (неважно, в чьем лице).

Такие раны не заживаю долго. Язык не поворачивается употреблять глаголы-сказуемые в прошедшем времени: *был, участвовал, писал, рисовал, гравировал, ковал, ездил на велосипеде*, в конце концов. Но, выражаясь метафизически, «пространство помнит». Убеждена, что культурное пространство города Екатеринбурга всегда будет помнить замечательного художника и человека Германа Метелева.